

ЦЗИ ЮНЬ

*ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ
«ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ»*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Ц55

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с китайского *О. Фишман*

Стихи в переводе *А. Левинтона*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Цзи Юнь.

Ц55 Заметки из хижины «Великое в малом» /
Цзи Юнь ; [перевод с китайского *О. Фишман*]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. —
512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-176801-0

Как и у Пу Сунлина, большую часть заметок Цзи Юня составляют истории о чудесах и преступлениях, лисах-оборотнях, бесах и призраках. Основная идея рассказов, проходящая через все его сборники с первой до последней страницы, — это идея добра, которое должно победить зло. Через занимательные истории автор пытается объяснить читателю-современнику, что такое хорошо, а что такое плохо. Ведь законы в мире едины и для людей, и для нечисти, которая порой оказывается более благочестивой, чем сами люди.

«Заметки из хижины «Великое в малом»» публикуются в переводе известного синолога *О. Фишман* с подробными примечаниями.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-176801-0

© Перевод, текст. *О. Фишман*,
наследники, 2025
© Перевод, стихи. *А. Левинтон*,
наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ ЛЕТОМ
В ЛУАНЬЯНЕ

*Предисловие к сборнику
«Записи, сделанные летом в Луаньяне»*

Летом года *цзи-ю* правления императора под девизом Цянь-лун* меня послали в Луаньян проверять книги, вошедшие в императорскую библиотеку. Работа моя была завершена, и я лишь наблюдал за чиновниками, надписывавшими на обложках заглавия книг. Дни без дела тянулись долго, и я стал записывать то, что когда-либо видел и слышал, без особого порядка занося на бумагу все, что всплывало в памяти.

Чиновники, в древности собиравшие уличные толки, не принадлежали к разряду сочинителей. «Беседы на улицах и разговоры в переулках могут оказаться полезными для моральных оценок»¹.

Закончив записи, я вручил их писцу, чтобы он сделал на них надпись: «Записи, сделанные летом в Луаньяне».

* 1789 г.

Часть первая

(1.)* Цензор Ху Му-тин¹ рассказывал:

«В одной деревушке жил человек, у которого была свинья. Стоило ей увидеть старика соседа, как она приходила в ярость, начинала визжать, гналась за ним и норовила укусить; при виде других людей ничего подобного с ней не происходило.

Старик сосед сначала из себя выходил от злости. Он уже стал подумывать о том, чтобы купить эту свинью, [заколоть ее и]** зажарить, как вдруг прозрел, все понял и сказал:

— Уж не кровный ли она враг², о котором идет речь в буддийском каноне? Однако нет в мире такой вражды, с которой нельзя было бы покончить.

* В книге для удобства ссылок поставлены порядковые номера рассказов: переведенных — в круглых скобках, изложение непереуведенных произведений — в квадратных (которые часто охватывают несколько рассказов подряд).

** Перевод максимально приближен к оригиналу, далее по тексту интерполированные слова заключены в квадратные скобки; встречающиеся в нескольких рассказах круглые скобки соответствуют скобкам, с помощью которых Цзи Юнь выделял свои пояснения к тексту.

И вот за хорошую цену он выкупил свинью у соседа и отдал ее в буддийский монастырь³, чтобы она стала, как говорится, «свиньей вечной жизни».

Прошло некоторое время. Когда свинья вновь увидела старика, она прижала уши и вообще повела себя совсем иначе, чем прежде».

Как-то мне довелось видеть картину Сун Чжуна, на которой был изображен буддийский архан⁴, сидящий на коленопреклоненной тигрице. Надпись в стихах, сделанная неким Ли Янем из Баси, гласила:

Ты можешь, Истину познав,
С враждой и яростью бороться,
Ты можешь, тигра оседлав,
Взнуздать его, как иноходца.
Но если зверь теперь пуглив,
Узды признает власть и крепость,
Пред ликом Истины смилив
Свою природную свирепость,
Тогда меж небом и землей
Для всех, кто мыслит и страдает,
Возможны благо и покой,
Пусть только верностью одной
Живет и дышит род людской,
А страх и зависть угасают*.

Это может кое-что объяснить в нашей истории.

(2.) У *цзюйжэня*¹ Лю Ши-юя из Цанчжоу в кабинете завелась лиса. Среди бела дня она вступала

* Здесь и далее стихи в переводе А. Г. Левинтона.

в разговоры с людьми, кидалась в них черепицей и камнями, но на глаза не показывалась.

Был честный сановник Дун Сы-жэнь, правитель округа Пинъюань. Прослышав об этой лисе, он решил сам поехать и посмотреть, что там делается. Только начали было рассказывать ему про лису, как у карниза крыши послышался голос:

— Господин сановник любит народ и не берет взятки, поэтому я не осмелюсь швырять в него всякой дрянь. Однако народ-то вы любите из любви к своему доброму имени, а взятки не берете из страха, как бы чего не вышло. Так что и шадить вас мне тоже нет особой причины. Шли бы вы отсюда без лишних слов, а то как бы вам не попасть в трудное положение!

Дун Сы-жэнь в смущении удалился, а потом несколько дней все охал да ахал, очень был расстроен случившимся.

В доме этого Лю была служанка, здоровая глупая девка. Она единственная не боялась лисы, и одну ее лиса не трогала. Кто-то спросил лису про эту служанку.

— Хотя она и простая служанка, но по-настоящему почтительна к старшим, — ответила лиса. — Даже духи, видя это, избегают с ней встреч. А уж наша порода и подавно!

Тогда Лю приказал этой служанке поселиться в кабинете. В тот же день лиса исчезла.

(3.) Господин Ай Тан рассказывал:

«Слышал я об одном старом начетчике, который шел куда-то ночью и по дороге повстречал своего

покойного друга. Начетчик был человеком честным, твердого характера и не из робких, вот он и спросил друга, куда тот держит путь.

— Я служу в Царстве мертвых, — ответил тот, — сейчас направляюсь в Наньцунь, чтобы схватить там кое-кого. Так что нам по пути.

Дальше они пошли вместе. Дошли до какой-то полуразрушенной хижины, и тут дух сказал:

— Это жилище писателя.

— Откуда вы знаете? — удивился начетчик.

— Обычно днем люди суетятся, занимаются всякими делами, иссушают свои мозги. Только во сне они ни о чем не думают, тогда их изначальная энергия чиста; все накопившиеся в памяти книги, слово за словом, в виде сияния выходят наружу через все поры тела. Вид у этого сияния неразличимо-туманный, бесформенно-хаотичный или блестящий, словно парча. У великих ученых вроде Чжэна¹ и Куна², у писателей вроде Цюя³, Суна⁴, Баня⁵ или Ма⁶ сияние озаряет весь небосклон, соперничает со светом луны и звезд; у тех, кто шел следом за ними, — сияние окружностью в несколько чжанов, а у тех, что за этими, — в несколько чи; постепенно сияние сходит на нет, так что у совсем посредственных это мерцающий огонек, подобный тусклому светильнику, отраженному в окне. Людям не дано видеть сияние, а духи могут. Так вот, над этой хижинкой я вижу сияние высотой в семь или восемь чи, поэтому и знаю, что это — обиталище писателя.

— Я всю свою жизнь учился, — сказал начетчик. — Какое же от меня исходит сияние?

Дух долго мялся и наконец сказал:

— Вчера днем я проходил мимо вашего дома, вы как раз прилегли вздремнуть, и я увидел, как все заученные вами толкования [классиков], пятьсот-шестьсот экзаменационных эссе, семьдесят-восемьдесят классических текстов, тридцать-сорок исторических сочинений — все это слово за словом превращалось в черный дым, который устилал все помещение, и сквозь него, словно через плотные облака, пробивался ваш голос, скандирующий отдельные слова. А вот сияния — не решусь солгать — никакого и не было!

Начетчик в ярости начал браниться. Тогда дух захохотал и исчез».

(4.) Господин Ли Ю-дань из Дунгуана попал как-то в заброшенный сад в Юаньпине, принадлежавший первому министру. Там он увидел на галерее два стихотворения. Первое гласило:

А западный ветер свистит да свистит,
В окно задувает, в траве шелестит,
Двором пробежится, и буйный и шалый,
Где месяц скользит над стрехой обветшалой,
И мох озаряет в пустой немоте,
Оставивши контур окна в темноте.

Второе стихотворение было такое:

Далекие звезды мерцают, мерцают,
Как светлые точки. Вдали проплывают
На Млечном Пути облака, как ветрила,

А я засиделся, склоняясь на перила,
И слушаю башню; ночным барабаном
Там пятую стражу¹ пробьют горожанам.

Следы туши были бледны, а почерк, пожалуй, не
был похож на то, как пишут люди.

[5. Человеку снится вещий сон.]

(6.) *Цзюйжэнь* Ван Чжи-сянь из Пиндина как-то сопровождал своего отца, следовавшего на новую должность в Юйлинь. Ночь они провели в заброшенном храме. Неожиданно наверху послышалось монотонное бормотание, словно кто-то читал стихи. Удивились: откуда бы тут взяться ученым? Начали прислушиваться, но голоса были приглушенными. Потом стало слышнее, словно говорившие спустились вниз, уже стали различимы отдельные слова.

Один голос сказал:

— У Тан Янь-цяня¹ поэтический стиль не очень высок, но хороши строки:

На границе колосья кровавы,
Не собрать с полей урожая.
Весною вымерзнут травы;
Лишь битва гремит, не смолкая.

— А я когда-то написал такие стихи, — послышался второй голос:

Яростно над пустыней
Взвиваются клубы песка.

Слепит раскаленное солнце
Сквозь желтые облака.

— Тот, кто сам не бывал на границе, не знает
такого пейзажа, — добавил он.

Первый голос ответил:

— У меня тоже были похожие строки:

В дальних горах на границе
Воздух безжалостно синий,
Трещит мороз над рекою,
Про осень напомнил иней.

Должен сказать, что они довольно верно воспроизводят картину заката солнца на границе.

И долго еще читали они друг другу стихи.

Но вот ударил монастырский колокол, и воцарилась мертвая тишина. Когда рассвело, отец с сыном пошли поглядеть: все замки покрыты пылью и заперты.

Стихи «В дальних горах на границе» они нашли потом в черновиках, оставшихся после покойного полководца Жэня. Имя полководца было Цзюй, во время мятежа племен в годы Кан-си² он выступил в поход и погиб в бою. Узнать, кто написал стихи «Яростно над пустыней...», так и не удалось. Ясно только, что стихи эти заслуживали увековечения и были написаны соратником Жэня, а не духом какого-нибудь простого смертного.

(7.) В прибрежной деревушке к югу от Цанчжоу жил некий Люй-сы, человек без стыда и совести,

способный на любые подлости. Местные жители боялись его, как дикого зверя.

Как-то вечером он с несколькими приятелями, такими же негодяями, как и он сам, отправился прогуляться за пределами деревни. Внезапно потемнело, раздался гром, поднялся ветер, полил дождь. Вдали появилась какая-то фигура, похожая на молодую женщину. В старом храме, стоявшем на берегу реки, она искала укрытия от грозы.

— А не побаловаться ли нам с ней? — предложил Люй приятелям.

Уже наступила ночь, затянутое тучами небо было черным-черно. Люй вбежал в храм и зажал женщине рот, приятели его стали сбрасывать одежды, спеша овладеть женщиной. Вдруг сверкнула молния, и при ее свете Люй увидел, что женщина — вылитая его жена. Он разжал руки, заговорил с нею, — оказалось: она! Люй пришел в ярость и хотел бросить жену в реку, но она закричала:

— Хотел обесчестить чужую, и чуть не дошло до того, что меня обесчестили, — да Небо спасло! За что же меня-то убивать?

Люй ничего не мог сказать, стал искать одежду, но в это время порывом ветра снесло его рубашу и штаны в реку. Он растерялся, не знал, что ему делать, но был он человек наглый и решил идти домой голым. А тут облака рассеялись, вышла ясная луна, вся деревня покатывалась от хохота, все спрашивали, что случилось. Люй не мог заткнуть соседям рты и в конце концов бросился в реку.

Жена его, гостившая у своих родителей, должна была вернуться домой только через месяц с лиш-

ним, но так как дом ее родителей сгорел, ей некуда было деться, и она вернулась раньше срока. Люй об этом не знал, поэтому-то все так получилось.

Через некоторое время Люй явился к своей жене во сне и сказал ей:

— Я совершил тяжкий грех и был навсегда обречен пребывать в Нараке¹. Но так как при жизни своей я был почтительным сыном, то судья Царства мертвых внес изменение в списки, и в своем следующем перерождении я должен пребывать в теле змеи. Это уже произошло. Скоро ты вновь выйдешь замуж, служи хорошенько новой свекрови. Непочтение к старшим — самое тяжкое преступление. Смотри, как бы не пришлось тебе кипеть в адском котле!

В тот день, когда жена Люя вторично вышла замуж, в углу комнаты появилась змея, которая, опустив голову, смотрела вниз, словно в глубоком раздумье. Жена вспомнила свой сон, подошла к змее, приподняла ее голову и стала расспрашивать. За дверью послышалась музыка, змея несколько раз подпрыгнула и исчезла.

[8. Лиса испытывает любовь к человеку, с которым более двадцати лет живет в супружеском согласье.]

(9.) Мин Чэнь, уроженец Мишаня, был начальником в Сяньсяне, как-то раз он задумал обелить человека, несправедливо обвиненного в уголовном преступлении, но, боясь, что начальство этого не позволит, все колебался и никак не мог принять решения. Был там некий Ван Бань-сянь, слуга